

На правах рукописи

МИРОШНИЧЕНКО Инна Валерьевна

**СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ
В РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ**

**Специальность 23.00.02 – Политические институты,
политические процессы и технологии**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук**

21 НОЯ 2013

005538629

**Москва
2013**

Работа выполнена
на кафедре политического анализа факультета государственного управления
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Научный консультант: **МОРОЗОВА Елена Васильевна,**
доктор философских наук, профессор

Официальные оппоненты: **ТИМОФЕЕВА Лидия Николаевна,**
доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры политологии и
политического управления Российской
академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ

КУЗНЕЦОВ Игорь Иванович,
доктор политических наук, профессор,
профессор факультета политологии
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова

СМОРГУНОВ Леонид Владимирович,
доктор философских наук, профессор,
зав. кафедрой политического управления
Санкт-Петербургского государственного
университета

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Пермский государственный
национальный исследовательский
университет»**

Защита состоится 16 декабря 2013 г. в 16.20 на заседании
диссертационного совета Д.501.001.27 при Московском государственном
университете им. М.В. Ломоносова по адресу 119192, г. Москва,
ул. Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4., стр. 1, факультет
государственного управления, ауд. А-619.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале Научной
библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова (МГУ, Шуваловский корпус).

Автореферат разослан 7 » ноября 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Е.В. Андрушина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Интенсивное развитие информационно-коммуникативных технологий вызывает глубинные сдвиги во всех сферах жизни – социальной, экономической, политической, культурной, обусловленные сетевой логикой развития социальных субъектов. Происходит трансформация сетевых характеристик современного общества, связанных с изменением качества и структуры коммуникаций, расширяющихся и дифференцирующихся в интегрированном с интернет-средой публичном пространстве, что способствует формированию неинституционализированных форм политической субъектности, таких как новые социальные движения, гражданские журналисты, некоммерческие организации веб 2.0, а также разнообразных гибридных форм политических институтов (сетевые политические партии) и разнопорядковых форм сетевого публичного управления (Европейский союз, межсекторное социальное партнерство, открытое правительство и т.д.).

Данные тренды влияют на формирование принципиально новой модели организации социально-политического пространства, в котором доминируют горизонтальные сетевые коммуникации и появляется множество разнообразных акторов, участвующих в преобразовании публичной политики, возрастает роль и значение сетевых структур, обладающих высоким потенциалом самоорганизации и мобилизации. За последнее время в современных политических системах стран Западной Европы, Ближнего Востока, СНГ, имеющих существенные различия в социально-экономическом, политико-культурном, публично-государственном развитии, наблюдаются точки роста сетевой активности и влияния ее разнообразных механизмов на процесс воспроизводства публичной политики. Социальные сети, основанные на горизонтальных взаимодействиях, не только изменяют традиционные организационные структуры гражданского общества, но и создают основы нового институционального дизайна публичной политики.

Развитие информационно-коммуникативных технологий способствует выходу публичной политики за пределы традиционного для политического процесса пространства и расширяет возможности для построения, в том числе и в онлайн-пространстве, архитектуры участия акторов частного и гражданского сектора в системе государственного и муниципального управления. Использование в практической политике и государственном управлении принципов, механизмов и технологий сетевой публичной политики создает условия для внедрения инноваций не только в политическую сферу, но и во все сферы жизнедеятельности общества.

В данных условиях возрастает роль государства как ключевого института публичной политики, обеспечивающего координацию процесса разработки публичных решений и создающего институциональные условия для реализации сетевого менеджмента, усиливаются способности государства к эффективному публичному управлению и политической коммуникации при наличии множества властных центров.

В российской политической системе, с одной стороны, отражаются глобальные тренды формирования сетевой публичной политики; с другой – существуют практики социальных сетей, не всегда связанные с наращиванием ресурсов публичности и развитием демократических основ политики. Доминирование неформальных политических практик, имитация публичности, формирование клановой политики и патримониальной политической системы характеризуют деструктивный потенциал социальных сетей. Вместе с тем конструктивная деятельность сетевых сообществ в российской публичной политике способствует расширению «коридора возможностей» для формирования полноценной системы публичной политики в России.

Политические изменения, происходящие в публичной сфере как в глобальном, так и в национальном масштабе, обусловили активизацию научного поиска в современной политической теории. Возникла необходимость расширения объяснительных возможностей существующих подходов и развития новых моделей публичной политики для обеспечения динамического равновесия между актуальной политической практикой и действующими теоретическими конструктами.

Для политической науки становится актуальной выработка теоретических подходов к исследованию публичной политики, адекватно объясняющих не только идеал-типические формы взаимодействия государства и общества (иерархия, рынок, сети), но и различные гибридные формы их взаимопроникновения и появления гибридных форм политических институтов, что характерно для современных политических реалий.

Теоретическое обоснование концепта «сетевая публичная политика», предложенное в данной диссертационной работе, позволит, во-первых, расширить парадигмальное поле политической науки; во-вторых, применить сетевой метод к анализу российской публичной политики, что даст возможность не только объяснить новые социально-политические явления, но и наметить новые векторы развития современной политической системы России, основанной на принципах демократического участия и сотрудничества государства и гражданского общества.

Степень научной разработанности темы. Проблематика актуализации социальных сетей в публичной политике находится на стыке различных исследовательских направлений политической науки, что потребовало научного осмысления и обобщения исследований зарубежных и отечественных ученых, выполненных в различных теоретических подходах.

Исследования публичной политики имеет несколько направлений развития, связанных с различными теоретическими истоками. Первое направление концептуально связано с теоретическим обоснованием публичной сферы, предпосылки которого были заложены в работах И. Канта и Г. Гегеля¹. Универсальное понимание публичной сферы как

¹Кант И. Ответ на вопрос «Что такое Просвещение?» // Кант И. Сочинения: в 6 т.; пер. с нем. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 30; Гегель Г. Философия права. М.: Наука, 1990.

коммуникативно-деятельностного пространства раскрывалось в работах Х.Х. Арендт². Ряд исследователей (Р. Сеннет, Н. Элиас, П. Линклатер)³ рассматривали историко-культурные характеристики публичной сферы как идеал-типические. Обоснование взаимосвязи и взаимообусловленности публичной и политической сфер, а также их функциональное наполнение было определено Д. Дьюи, Ч. Миллсом⁴.

Наиболее последовательно свое теоретическое осмысление понятие «публичная сфера» и ее структурные характеристики нашли в работах Ю. Хабермаса⁵. Дальнейшее развитие понятия «публичная сфера» во второй половине XX в. было связано с интерпретацией идей Ю. Хабермаса или их критикой⁶, а также обоснованием взаимосвязи публичной сферы с диалоговым характером принятия политических решений, что нашло свое отражение в концепции делиберативной демократии, которая разрабатывалась западными (Б. Аккерман, С. Бенхабиб, Дж. Драйзек, Дж. М. Бессет и др.)⁷ и отечественными (В.Н. Лукин, А.В. Назарчук, А.В. Зайцев⁸ и др.) исследователями. Как зарубежные⁹, так и российские

²Арендт Х. Vita active, или О деятельности жизни. СПб.: Алетейя, 2000.

³Сеннет Р. Падение публичного человека: пер. с англ. М.: Логос, 2000; Элиас Н. О процессе цивилизации: в 2 т. М.; СПб., 2001; Linklater P. Public Spheres and Civilizing Processes // Theory, Culture & Society. 2007. Vol. 24.

⁴Dewey J. The Public and its Problems. Chicago: Swallow Press, 1954; Mills C.W. The Power Elite. New York: Oxford University Press, 2000.

⁵Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Frankfurt a/M, 1995; Habermas J. Die Moderne – ein unvollendetes Projekt: Philosophisch-politische Aufsätze 1977–1990. Leipzig: Reclam Verlag, 1990.

⁶См.: Negt O., Kluge A. The Public Sphere and Experience: Towards an Analysis of the Bourgeois and Proletarian Public Sphere. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993; Benhabib S. Models of Public Sphere: Hannah Arendt, the Liberal Tradition, and Jürgen Habermas // Habermas and the Public Sphere / ed. by C. Calhoun. Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1992.

⁷Ackerman B. Whi Dialogue?. Faculty Scholarship Series. 1989. URL: http://digitalcommons.law.yale.edu/fss_papers/142; Benhabib S. Toward a Deliberative Model of Democratic Legitimacy // Democracy and Difference. Princeton, 1996; Dryzek J. Political Inclusion and the Dynamics of Democratization // The American Political Science Review. 1996. Vol. 90, № 3; Бессет Дж. М. Делиберативная демократия и американская система государственной власти / пер. с англ. Ю. Шпакова. М.: РОССПЭН, 2011; Parkinson J. Legitimacy Problems in Deliberative Democracy // Political Studies. 2003. Vol. 5.

⁸Лукин В.Н. Альтернативные модели демократии в политических системах глобального мира: концепция делиберативной демократии Д. Драйзекса. URL: http://ms-solutions.ru/index.php?option=com_content&view=article&catid=38:2010-01-15-12-09-51&id=142:2010-01-18-11-19-36&Itemid=206; Назарчук А.В. Понятие делиберативной политики в современном политическом процессе // Полис. 2011. № 5; Зайцев А.В. Философия диалога и диалогика гражданского общества: истоки и сущность // NB: Философские исследования. 2012. 4. С. 1–53. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_143.html.

⁹McKee A. The Public Sphere: An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2005; Goode L. Jürgen Habermas: Democracy and the Public Sphere. London: Pluto, 2005; Geenens R., Tinnevelt R. Does Truth Matters? Democracy and Public Space. Berlin: Springer, 2009; McCarty T. The Critical Theory of Jürgen Habermas. Cambridge, Mass.: MJT, 1982; Bohmen D. Public Deliberation. Cambridge, Mass.: MJT, 1996; Gould C. Deversity and

ученые¹⁰ исследуют взаимосвязь политического дискурса и делиберативного процесса в публичном пространстве.

Концептуализация понятия «публичная политика» как действия государства происходит в американской традиции политической науки (Дж. Андерсон, Г. Алмонд, Б. Пауэлл, Дж. Лейн, А. Хайденхаймер, Х. Хекло, К. Адамс и др.), в которой обосновывается его перераспределительная роль в публичном секторе при возросших социальных обязательствах¹¹.

В российской политической науке концепт публичной политики оказался с начала 2000-х гг. в центре внимания ученых Института социологии РАН (в частности в исследованиях, проводимых под руководством Ю.А. Красина)¹². Комплексный подход, основанный на индикативных характеристиках публичной политики, был разработан Л.И. Никовской и В.Н. Якимцом¹³. Институциональный подход к

Democracy: Representing Differences / ed. by S. Benhabib. Democracy and Difference. Princeton London: Press, 1996.

¹⁰Алексеева Т.А. «Публичное» и «частное»: где границы «политического»? // Проблемы и суждения: голоса российской политологии: сб. тр. М.: КДУ, 2004; Красин Ю.А. Механизмы аккумуляции интересов в публичной политике // Социально-политические процессы и экономическое состояние России: материалы научного семинара. М.: Научный эксперт, 2005; Красин Ю.А. Публичная сфера и публичная политика в российском измерении // Публичная политика в России: По итогам проекта «Университет Калгари – Горбачев-Фонд». М.: Альпина Бизнес Букс, 2005; Заболотная Г.М. Проблема публичной сферы в современной политической теории // Вестник Тюменского государственного университета. 2004. № 2; Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / под ред. О.Ю. Малиновой. М.: РОССПЭН, 2011; Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л.Н. Тимофеевой М.: РОССПЭН, 2012. Переверзев Е.В., Кожемякин Е.А. Политический дискурс: многопараметральная модель // Политическая лингвистика. 2011. № 3/37; Семенов А.В. Институционализация публичной сферы в политическом пространстве региона: автореф. дис. ... канд. полит.наук. Пермь, 2010. С. 20–21; Чупина А.А. Соотношение понятий «коммуникативный дискурс “общество – власть”» и “политический дискурс” // Вестник ПАГС. 2010. № 4 (25).

¹¹Dye T.R. Understanding Puplic Policy. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1984; Sharkansky I. Policy Analysis in Political Science. Chicago, 1970; Heidenheimer A., Hecllo H., Adams C. Comparative Public Policy: The Politics of Social Choice in America, Europe and Japan. New York: St. Martin Press, 1990; Almond G., Powell B. Comparative Politics Today. A World View. 4th ed. Glenview; Boston; London: Scott, Foresman and Company, 1998; Андерсон Дж. Публичная политика: Введение // Публичная политика: от теории к практике / сост. и науч. ред. Н.Ю. Данилова, О.Ю. Гурова, Н.Г. Жидкова. СПб.: Алетейя, 2008; Anderson J.E. Public Policymaking: An Introduction. Boston; New York, 2003; Frohock F.M. Public Policy: Scope end Logic. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1979; Пумерс Б.Г. Политические институты: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. М., 1999.

¹²Красин Ю.А. Российские проблемы публичного // Публичная политика. Приложения. Университет Калгари – Горбачев-фонд. 2005. С. 11–27.

¹³Никовская Л.И., Якимец В.Н. Публичная политика в современной России: между корпоративно-бюрократическим и гражданско-модернизаторским выбором // Политика. 2007. № 1; Никовская Л.И., Якимец В.Н. Публичная политика в России: состояние, проблемы и альтернативы развития // Публичная политика в современной России: субъекты и институты. М.: ГУ ВШУ, 2006; Якимец В.Н. Индекс для оценки и мониторинга

исследованию публичной политики, акцентирующий внимание на акторах и институтах, стал развиваться в ГУ ВШЭ под руководством Н.Ю. Беляевой¹⁴. Основой подхода послужили западные неоинституциональные теории и субъектно-ориентированный подход Н.М. Шматко, которая ищет предметность понятия «публичная политика» в природе поведения агентов трех взаимовлияющих полей, обладающих определенной автономностью: полей политики, журналистики и социальных наук¹⁵. Деятельностный подход, ориентированный на выработку в первую очередь успешных технологий гражданского участия, был предложен научным коллективом Центра «Стратегия» под руководством А.Ю. Сунгурова¹⁶. Вместе с тем можно говорить о методологической фрагментации теоретических знаний о специфике российской публичной политики и ограниченности исследований, раскрывающих институциональные и процессуальные особенности реализации ее национальной модели.

Современная динамика смыслов в концепте «публичная политика» связана с последовательным сближением и переплетением различных подходов, которые объединяют в себе разнообразные интерпретации¹⁷, и обусловлена развитием сетевого подхода в политической науке. Нелинейные аспекты постмодернистской (У. Бек, З. Бауман, Ф. Гвантари, М. Фуко¹⁸) и синергетической интерпретации (И. Пригожин¹⁹) развития современного общества, интегрируясь в сетевой подход, обогащают исследовательскую проблематику сетевой публичной политики²⁰.

публичной политики в регионах России // Труды ИСА РАН. М., 2006. Т. 25; *Якимец В.Н.* Индекс для оценки и мониторинга публичной политики // Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия: сб. М.: РАПН, РОССПЭН, 2008.

¹⁴*Беляева Н.Ю.* Публичная политика в России: теория и практика. Формирование научных школ // Публичная политика в современной России: субъекты и институты: сб. ст. / отв. ред., сост. Н.Ю. Беляева. М.: Тена, 2006; *Кузьминов Я.И.* [и др.] Институты: от заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений / Я.И. Кузьминов, В.В. Радасев, А.А. Яковлев, Е.Г. Ясин. М., 2005.

¹⁵*Шматко Н.М.* Феномен публичной политики // Социс. 2001. №7.

¹⁶*Горный М.* Вместо введения // Публичная политика: проблемы мягкой безопасности в Балтийском регионе / под ред. М.Б. Горного. СПб.: Норма, 2004.

¹⁷*Capano G., Howlett M.* Introduction: Multidimensional World of Policy Dynamics. European and North American Policy Change: drivers and dynamics. Routledge: ECPR Studies in European Political Science, 2009.

¹⁸*Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000; *Bauman Z.* Liquid Modernity. Cambridge, 2000; *Делез Ж., Гвантари Ф.* Ризома: тысяча плато // Восток. 2005. № 6; *Foucault M.* Of Other Spaces. Diacritics. URL: <http://foucault.info/documents/heteroTopia/foucault.heteroTopia.en.html>; *Foucault M.* Governmentality // The Foucault Effect: Studies in Governmentality. Chicago, 1991; *Фуко М.* Интеллектуалы и власть. М.: Практика, 2006. *Walters W., Haahr J.* Governmentality and Political Studies // European Political Science. 2005. Vol. 4, № 3; *Fox C.J., Miller H.T.* Postmodern Public Administration: Towards Discourse. London: Sage, 1995.

¹⁹*Пригожин И.Р.* Сетевое общество // Социс. 2008. № 1.

²⁰*Семененко И.С.* «Альтернативный капитализм» или альтернатива капитализму?: круглый стол // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 7; *Хенкин С.*

Завоевав позиции в политической науке как аналитический инструмент²¹, сетевой подход сначала использовался для обоснования эмпирического инструментария в качественных и количественных исследованиях секторов в публичной политике²², а затем обусловил создание концептуальных моделей политических сетей, интерпретирующих разнообразные формы отношений между государством и группами интересов на основе горизонтальных связей²³ и предлагающих различные типологии сетевых структур на основе их комплексных параметров²⁴.

Переориентация сетевой теории на сферу государственного управления и публичной политики связана с проблемами перехода системы публичного управления в новое качество постмодернистской организационной

Испания в полосе турбулентности // Мировая экономика и международные отношения. 2012. №4. С. 71–81; Ришар Ж.-Ф. Двадцать лет спустя. Глобальные проблемы и способы их решения // Россия в глобальной политике. 2003. Т.1, № 2. Апрель–июнь; Сморгунов Л.В. В поисках управляемости: трансформация теории публичного управления в XX веке // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. Сер. 6. Вып. 4. С. 89; Ядов В.А. Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся. М.: Academia, 2002; Ачкасов В.А. Россия как разрушающееся традиционное общество // Полис. 2001. № 5; Ефременко Д.В. Глобальная турбулентность и метаморфозы российской публичной политики // Политическая наука. 2012. №1; Кравченко С.А. Динамика современных социальных реалий: инновационные подходы // Социс. 2010. № 10.

²¹Poucke W. van. Network Constraints on Social Action: Preliminaries for a Network Theory // Social Networks. 1979. №37; Emirbayer M., Goodwin J. Network Analysis, Culture and the Problem of Agency // American Journal of Sociology. 1994. Vol. 99; Schneider V., Werle R. Policy Networks in the German Telecommunications Domain // Policy Networks. Empirical Evidence and Theoretical Considerations. Boulder; Colorado; Frankfurt: Campus Verlag/Wesview Press, 1991.

²²Lummann E.O., Knoke D. The Organizational State, Social Choice in National Policy Domains. Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1987; Kenis P., Schneider V. Policy Networks and Policy Analysis: Scrutinizing a New Analytical Toolbox // Policy Networks. Empirical Evidence and Theoretical Considerations. Colorado; Frankfurt: Campus Verlag; Wesview Press, 1991.

²³Borzel T. Rediscovering Policy Networks as a Form of Modern Governance // Journal of European Public Policy. 1998. Vol. 5, №2; Knoke D., Marsch D. Policy networks and GM groups issue: Assessing the utility of a dialectical model of policy networks // Public Administration. 2003. Vol. 81; Rhodes R., Marsh D. Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approaches // Policy Network in British Government. Oxford, 1992; Daughier C. Policy Networks under Pressure: Pollution Control, Policy Reform and Power of Farmers. Ashgate, 1998; Waarden F. Dimensions and types of policy networks // European Journal of Political Research. 1992. Vol. 21.

²⁴Heclo H. Issue Networks and Executive Establishment // The New American Political System. Washington, 1978; Rhodes R., Marsh D. Policy Network in British Government. Oxford, 1992; Knoke D. Political Networks. The Structural Perspective. Cambridge, 1990; Knoke D., Kuklinski J.H. Network analysis. Sage Publications, 1982; Sabatier P.A. Policy Change and Learning. An Advocacy Coalition Approach. Westview Press, 1993; Marsh D., Smith M. Understanding Policy Networks: towards a Dialectical Approach // Political Studies. 2000. Vol. 48.

структуры²⁵. Теоретическими истоками сетевого управления стала концепция руководства (governance) как результата критического осмысления «нового государственного менеджмента»²⁶. В дальнейшем разработка теории сетевого публичного управления способствовала обоснованию сетевой теории политики, в которой интерпретируется различная роль сетевых компонентов в разработке и реализации публичной политики²⁷.

Концептуально осмысливается роль сетевых структур и сетевых коммуникаций в трансформации различных сфер социальной жизни, в том числе и политической, в социально-философских теориях Д. Бэлла, М. Кастельса, Э. Тоффлера и др.²⁸ Большинство авторов отмечают, что

²⁵Kooiman J. Social-Political Governance: Introduction // *Modern Governance*. New Government – Society Interactions. London: Sage, 1993. P. 1–6; Kooiman J. *Governing as Governance*. London: Sage Publications, 2003; Pierre J. *Debating Governance*. Oxford: Oxford University Press, 2000; Pierre J., Peters B. *Guy Governance, Politics and the State*. London: Macmillan Press, 2000; Hirst P. *Democracy and Governance* // *Debating Governance*. Oxford: Oxford University Press, 2000; Hanf K., O Toole L. *Revisiting Old Friends: Networks, Implementation Structures and the Management of Inter-Organizational Relations* // *European Journal of Political Research*. Special Issue. 1992. Vol. 21, №12.

²⁶Bevir M., Rhodes R.A.W., Weller P. *Traditions of Governance: Interpreting the Changing Role of the Public Sector* // *Public Administration*. 2003. Vol. 81.

²⁷Pierre J. *Debating Governance*. Oxford: Oxford University Press, 2000; Damgaard B.R. *Do Policy Networks lead to Network Governing?* // *Welfare Systems and Policies Working Paper*. 2005. Vol. 3; Klijn E.-H., Koppenjan J.F.M. *Public management and Policy Networks*. Foundations of a Network Approach to Governance // *Public Management*. 2000. Vol. 2, № 2; Compston H. *Policy Networks and Policy Change. Putting Policy Network Theory to the Test*. New York: Palgrave Macmillan, 2009; *Governance Networks in Public Administration and Public Policy* / ed. by C. Koliba, J. Meek, A. Zia. London; New York: CRC Press, 2011; Damgaard B. *Do Policy Networks lead to Network Governing?* // *Welfare Systems and Policies Working Paper*. 2005. Vol. 3; Dowding K. *Model or Metaphor? A Critical Review of the Policy Network Approach* // *Political Studies*. 1998. Vol. XLIII. P. 136–158; Blom-Hansen J. *A New Institutional Perspective on Policy Network* // *Public Administration*. 1997. Vol. 75. P. 669–693; Salancik G.R. *Wanted: A Good Network Theory of Organization* // *Administration Science Quarterly*. 1995. Vol. 40; Kickert W.J.M. *Public Management and Administrative Reform in Western Europe*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 1997; Kickert W.J.M., Klijn E.H., Koppenjan J.F.M. *Managing Complex Networks*. London: Sage, 1997; Greenaway J., Salter B., Hart S. *How Policy Networks can Damage Democratic Health: A Case Study in the Government of Governance* // *Public Administration*. 2007. № 2.

²⁸Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество, культура*. М., 2000; Кастельс М. *Становление общества сетевых структур* // *Новая постиндустриальная волна на Западе: антология*. М.: Academia, 1999. С. 494; Wellman B. *Physical place and cyberspace: the rise of networked individualism* // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2000. № 1. P. 1; Castells M. *Materials for an exploratory theory of the network society* // *British j. of sociology*. London: Oxford, 2000. Vol. 51, №1; Тоффлер Э. *Третья волна* // *Информационная политика: в контексте социальной информатиологии: хрестоматия*. М.: Изд-во РАГС, 2007; Пригожин И.П. *Сетевое общество* // *Соиск*. 2008. № 1; Negroponte N. *BeingDigital*. New York, 1995; Dyson E. *Release 2.0: A Design for Living in the Digital Age*. New York, 1997; Toffler A., Toffler H. *Creating A New Civilization: The Politics of the Third Wave*. Atlanta, 1995; Street J. *Politics and Technology*. New York, 1992; Lipov A., Seyd P. *The Politics of anti-partyism* // *Parliamentary Affairs*. 1996. № 49 (2); Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. М.: Academia, 1999;

информация становится важнейшим ресурсом власти и управления, а информационная сфера – не просто локальным сегментом общественной жизни, а материей, пронизывающей все социально-политическое пространство. Среди отечественных исследователей данная проблематика осмысливается А.В. Назарчуком, Л.Н. Тимофеевой, Л.М. Земляновой, Д.С. Бариновой²⁹.

Рефлексивные аспекты сетевой логики трансформации пространства публичной политики, обуславливающие процессы конструирования новых идентичностей и формирования новых социальных движений, рассматриваются в работах зарубежных и российских исследователей: Д. Делла Порта, М. Диани, Д. Макадама, М. Залда, М. Олсона³⁰, И.С. Семененко, О.Н. Яницкого и др.³¹

В России сетевой подход активно начинает внедряться в экономическую науку, социологию, политологию, когнитивистику в конце 1990-х – начале 2000-х гг.³² В политической науке всплеск интереса к сетевой методологии неразрывно связан с актуализацией проблем публичной политики. Одним из

Гелбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969; *Бард А., Зюдерквист Я.* Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Юнайтед Пресс, 2004; *Martin W. J.* The Information Society. London: Aslib-Association For Information Management, 1988; *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. М., 2004.

²⁹ Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л.Н. Тимофеевой. М.: РОССПЭН, 2012; *Назарчук А.В.* Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 61–63; *Землянова Л.М.* Сетевое общество, информационализм и виртуальная культура // Вестник МГУ. Сер. 10: Журналистика. 1999. № 2. С. 58; *Баринова Д.С.* Методологические аспекты исследования виртуального пространства Интернета // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / гл. ред. М.В. Ильин. М.: Центр перспективных методологий социально-гуманитарных исследований, 2010. С. 109–122.

³⁰ *Della Porta D., Diani M.* Social Movements: an Introduction. Oxford: Blackwell, 1999; *McAdam D., McCarty J. D., Zald M.N.* Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures and Cultural Framing. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004; *Olson M.* The Logic of Collective Action. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1965.

³¹ *Семененко И.С.* «Человек политический» перед альтернативами общественных трансформаций: опыт переосмысления индивидуального измерения политики // Полис. 2012. №5; *Жаде З.А.* Потенциал идентичности в условиях роста протестных настроений в российском обществе // Экстраординарность, случайность и протест в политике: тематическое и методологическое поле сравнительных исследований: сб. науч. ст. / под общ. ред. Л.В. Сморгунова, Е.В. Морозовой. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2011; *Яницкий О.Н.* Изменяющийся мир России: ресурсы, сети, места // Мир России. 2010. №19.

³² *Градосельская Г.В.* Социальные сети: обмен частными трансфертами // Социологический журнал. 1999. № 1/2; *Она же.* Сетевые измерения в социологии: учеб. пособие. М.: Новый учебник, 2004; *Казанцев А. А., Сергеев В. М., Коктыш К.Е.* Сетевые аспекты проблем обучения в социальных науках. М.: Проспект, 2010; Когнитивные модели и институциональные трансформации / под ред. В. М. Сергеева. М.: Линор, 2003; *Радаев В.В.* Экономическая социология: курс лекций. М.: Аспект-Пресс, 1997; *Он же.* Социология рынков: к формированию нового направления. М.: ГУ ВШЭ, 2003; *Алексеев Е. С.* Когнитивные механизмы интеграции социальных сетей // Полис. 2007. № 3; Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / науч. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2002.

первых в отечественной науке проблематику политических сетей, в том числе и в компаративном аспекте, начал разрабатывать Л.В. Сморгунов, обобщивший результаты исследований политических сетей в ряде работ³³. А.В. Соловьев акцентировал внимание на методологических аспектах сетевого подхода к исследованию института государства в целом и процесса принятия государственных решений в частности³⁴. Методологический и практический потенциал теории политических сетей в исследовании систем государственного управления был оценен в работах А.А. Дяттерева, Н.В. Иванчука, О.В. Михайловой³⁵.

К настоящему времени в политологическом сообществе сложился устойчивый интерес к проблематике сетевых исследований в рамках взаимодействий бизнеса, образования и науки, общественных сетей в обществе знаний, сетевых структур в публичном управлении и публичной политике и т.д.³⁶

Особое направление представляют научные исследования сетевых структур гражданского общества и их конструктивного потенциала в сфере публичной политики, основанные на теоретической традиции Р. Патнэма,

³³Сморгунов Л.В. Сетевой подход к политике и управлению // Полис. 2001. №3; Он же. Сравнительный анализ административных реформ: от нового государственного менеджмента к концепции «governance» // Полис. 2003. №4.

³⁴Соловьев А.И. Коллебательно-маятниковый механизм принятия государственных решений: к обоснованию когнитивной модели // Полис. 2005. №5–6; Он же. Принятие государственных решений. М., 2006; Он же. Трансъячеистые структуры как форма строения и источник саморазвития государства // Полис. 2006. №6; Он же. Латентные структуры управления государством, или Игра теней на лице власти // Полис. 2011. №5.

³⁵Дяттерев А.А. Принятие политических решений. М.: КДУ, 2004; Викторова З.С. Сетевой подход как методология исследования процесса принятия государственных решений: дис. ... канд. полит. наук. М., 2009; Иванчук Н.В. Governance-парадигма: методологический и практический потенциал // Чиновник. 2005. №5; Михайлова О.В. Концепция «COVERNANGE»: политические сети в современном государственном управлении // Вестник МГУ. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2009. №2. С. 45–46; Она же. Политические сети: проблема эффективности и демократичности политических альянсов // Вестник МГУ. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2011. №3.

³⁶Волкова А.В. Государство и гражданское общество в контексте современных административных реформ в России // Гражданское общество в глобализирующемся мире / под ред. Х. Хофмайстера, Ю. Солонина, Т. Туманяна. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008; Евин И.А. Введение в теорию сложных сетей // Компьютерные исследования и моделирование. 2010. Т. 2. №2; Кулакова Т.А. Соотношение практик моделирования и сотрудничества в политическом управлении современной России // Вестник СПбГУ. Сер. 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2011. №4; Курочкин А.В. Сетевые формы регионального и местного управления: опыт Финляндии // Ars Administrandi. 2011. № 1; Он же. Становление сетевой модели политико-административного управления в условиях современного общества // Вестник СПбГУ. Сер. 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2011. № 2; Общество знания: от идеи к практике: коллективная монография: в 3 ч. Ч. 2: Социальные коммуникации в обществе знания / под ред. В.В.Васильковой, Л.А.Вербичкой. СПб.: Скифия-принт, 2009.

Ф. Фукуямы³⁷ и др. и представленные работами Р. Роуза, С.В. Патрушева, Т.В. Павловой, Л. Гудкова, Г. Градосельской, Е. Петренко, О.А. Оберемко, А.Д. Хлопина и др.³⁸

Формирующимся научным направлением в сетевом подходе являются исследования, которые рассматривают онлайн-пространство и его роль в изменении формата публичной политики как в глобальном³⁹, так и в

³⁷Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. М.: АСТ, 2008; Бурдье П. Социальное пространство и генезис классов / пер. с фр. Н.М. Шматко. М., 1993; Бурдье П. Структуры, Habitus. Практики // Современная социология: Бурдье, Гидденс, Хабермас. М., 1995; Коулман Д. Социальный и человеческий капитал // Общественные науки и современность. 2001. №3; Berman S. Civil Society and the Collapse of the Weimar Republic // World Politics. 1997. Vol. 49; Krishna A. Enhancing Political Participation in Democracies: What is the Role of Social Capital? // Comparative Political Studies. 2002. Vol. 35; 85; Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996; Твисс Дж.Л. Социальный капитал в регионах России // Социальный капитал и социальное расслоение в современной России. М., 2003; Gibson J.L. Social Networks, Civic Society, and the Prospects for Consolidating Russian Democratic Transition // American Journal of Political Science. 2000. Vol. 45, № 1. P. 65; Градосельская Г.В., Петренко Е.С. Российское гражданское общество: реконструкция по результатам крупномасштабных опросов // Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры / отв. ред. Е.С. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008; Ткачев Д.Ш. Особенности функционирования институтов и социальных сетей на постсоветском пространстве // Полис. 2006. № 2 и др.

³⁸Роуз Р. Достижение целей в квазисовременном обществе: социальные сети в России // Общественные науки и современность. 2002. № 3; Павлова Т.В. Современное гражданское участие: к изучению новых форм коллективного действия в условиях глобализации // Новые направления политической науки: Гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономия. Социальная политика. М.: РАПН, РОСПЭН, 2007; Патрушев С.В. Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) // Полис. 2009. № 6; Патрушев С.В. Гражданская активность как фактор модернизации // Модернизация и политика в XXI веке / отв. ред. Ю.С. Оганисян. М.: РОСПЭН, 2011; Оберемко О.А. Общество как пространство для самоидентификации и гражданского действия // Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры / отв. ред. Е.С. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008; Гудков Л. Социальный капитал и идеологические ориентации // Proet. Contra. 2012. Май-июнь; Курбатова М.В., Левин С.Н., Казан Е.С. Структура социального капитала как фактор институционального развития региона // Общественные науки и современность. 2010. № 6; Хлопин А.Д. Политическое и социальное в российской институциональной среде: проблема трансформации социума клик // Политическая наука. 2003. № 3. С. 51–52.

³⁹Hacker K.L., Dijk J.van. Digitaldemocracy. Issues of theory & practice. London: Sage publications, 2000; Hague B.N., Loader B.D. Digital democracy: Discourse and decision making in the information ege. London: Routledge, 1999; Macintosh A. Characterizing e-participation in policy-making // Proceedings of the thirty-seventh annual Hawaii international conference on system sciences. Hawaii: Big Island, 2004; Nederveen Pieterse J. My Paradigm or Yours? Alternative Development, Post-Development, Reflexive Development // Development and Change. 2004. Vol. 29; Hoggett P.A. New Public Management in the Public Sector // Policy and politics. 1991. №19; Davis R. The Web of politics: The Internet's impact on the American political system. Oxford: Oxford University Press, 1999; Dahlberg L. Computer-mediated communication and the public sphere: A critical analysis // Journal of Computer-Mediated

национальном контексте⁴⁰, связанном с появлением новых онлайн-сетевых структур и интерактивных механизмов сетевого публичного управления.

Несмотря на множество исследований различных аспектов публичной политики, выполненных в рамках сетевого подхода, они не дают целостного представления о роли сетевых структур и сетевых коммуникаций в формировании и трансформации национальной модели публичной политики. Разработанные подходы к исследованию сетевого контекста развития сетевой политики имеют ограниченный и фрагментарный характер, так как концентрируются на отдельных теоретических вопросах или эмпирическом исследовании отдельных сегментов политической реальности. Вместе с тем динамическая и турбулентная сетевая трансформация публичной политики требует концептуальных обоснований и разработки новых объяснительных конструкций, позволяющих не только исследовать новые политические практики, но и на их основе предлагать прикладной инструментарий, направленный на оптимизацию данных процессов и конструктивное развитие публичной политики.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования выступает современная российская публичная политика и процессы ее сетевизации.

Предмет диссертационной работы – сетевые конструкты публичной политики, механизмы и технологии ее саморазвития в современных условиях.

Цели и задачи исследования. Цель исследования – разработка комплексной теоретической модели сетевой публичной политики,

Communication. 2004. Vol. 7, № 1. URL: <http://jcmc.indiana.edu/vol7/issue1/dahlberg.html>; Philip E.A. Real-Time Politics: The Internet and the Political Process // The Information Society. 2002. № 18(5). P. 311–331. URL: <http://polaris.gseis.ucla.edu/pagrc>; Vergeer M., Hermans L., Sams S. Online social networks and micro-blogging in political campaigning: The exploration of a new campaign tool and a new campaign style // Party Politics published online. 2011. 30 June. URL: <http://ppq.sagepub.com/content/early/2011/06/16/1354068811407580>; Наубет Т., Пода К. Виртуальные социальные пространства: подходы, практики, перспективы // Социологический ежегодник-2009: сб. науч. тр. РАН. М., 2009. С. 301; Грунвальд А. [и др.] Сетевая общечеловечность и цифровая демократия. Тенденции политической коммуникации в Интернет / А. Грунвальд, Г. Банзе, К. Кёнен, Л. Хепнен // Политическая наука. 2008. № 2; Бондаренко С.В. Социальная система киберпространства как новая социальная общность // Научная мысль Кавказа. 2002. Приложение.

⁴⁰Нисневич Ю.А. Информационно-коммуникационная стабилизация политической системы // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2006. №1 (6); Ирхин Ю.В. «Электронное правительство» как интерактивная коммуникация между органами власти и гражданами // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2009. №6; Кулик А.Т. «Электронное государство» как вызов для отечественной политической науки // Управление государством: Проблемы и тенденции развития. Политическая наука: Ежегодник-2007 / гл. ред. А.И. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2008; Киселев А.А., Самаркина И.В. Интернет: модель и практики политического участия. Краснодар, 2007; Усачева О.А. Сети гражданской мобилизации // Общественные науки и современность. 2012. №6; Рябченко Н.А. Институционализация публичной политики в online-пространстве современной России: этапы, акторы, технологии: дис. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2012.

раскрывающей ее структурные и процессуальные компоненты с учетом конкретных социокультурных условий сетевого ландшафта.

Цель исследования обусловила решение следующих задач:

1) обосновать зонтичный характер концептуальной модели публичной политики и многоуровневость ее основных измерений;

2) определить основные этапы и направления развития сетевого подхода в политической науке и обосновать его метатеоретические характеристики, придающие новые качества исследованиям современного публичного пространства;

3) выявить основные структурные элементы теоретической модели сетевой публичной политики и механизмы ее воспроизводства в современном политическом пространстве;

4) определить сущностные характеристики национальной модели публичной политики и степень влияния национальных и глобальных факторов на ее трансформацию;

5) выявить и охарактеризовать формы и практики политической институционализации социальных сетей в социокультурной среде российского общества;

6) выявить способы актуализации политической субъектности сетевых сообществ в онлайн-пространстве и оценить их роль в воспроизводстве сетевой публичной политики;

7) выделить и типологизировать механизмы инкорпорирования социальных сетей в процесс принятия политико-управленческих решений и оценить их потенциал для развития российской публичной политики;

8) определить инновационный потенциал экосистемы интерактивных механизмов сетевого публичного управления в развитии российской публичной политики;

9) выявить роль краудсорсинга в формировании экосистемы сетевого публичного управления и охарактеризовать субъекты, ресурсы, технологии и результаты краудсорсинговой деятельности в российской публичной политике.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что многослойное пространство публичной политики пронизывают различные сетевые структуры и сетевые взаимодействия, в совокупности образующие сетевой ландшафт, который воздействует на формирование влиятельных политических акторов, различающихся по своему потенциалу конструктивного влияния на публичную политику, обуславливает процессы и результаты публичной политики. В то же время механизмы саморазвития российской публичной политики связаны с воспроизводством сетевой публичной политики в интегрированном с интернет-средой публичном пространстве.

Теоретико-методологические основания исследования. Используемые в данной научной работе методы и подходы соответствуют предмету исследования, а комплексная методология определяется характером решаемых задач. Сетевая методология позволяет на основе новой логики

осмысливать предельно сложные и многоуровневые явления и процессы публичной политики, происходящие в современном мире. Эвристичность сетевой методологии объясняется ее способностью создавать новое научное знание на основе научной конвергенции и синхронизации с другими теориями социально-гуманитарного знания по принципу сетевого взаимодействия, а также ее широкой эмпирической применимостью, дающей выход на междисциплинарные теоретические обобщения.

Концептуальным основанием исследования процессов сетевизации и результатов их воздействия на публичную политику является концепция сетевого общества М. Кастельса, который определяет его как результирующий вектор развития информационной экосистемы⁴¹, где знания и информационные потоки играют определяющую роль. В условиях информационного общества социальная коммуникация, трансформируя институты и практики, приобретает совершенно новые сетевые качества универсального характера.

Сетевая теория политики, обоснованная в работах Э. Кляйна и Дж. Копеньяна, концептуально объединяет и связывает характеристики политических сетей, сетевые компоненты политического процесса, рассматриваемого как процесс разработки политики, и характеристики сетевого управления, что способствует более четкому формулированию объяснительных механизмов публичной политики.

Концептуальные основания теории «руководства» (governance) были использованы для интерпретации сетевых конструкторов системы публичного управления. Для исследования механизмов инкорпорирования социальных сетей в процесс принятия политических решений использовалась теория политических сетей Р. Родеса и Д. Марша, в рамках которой обеспечивается связь между микро- и макроуровнем сетевого анализа производства публично-государственных решений.

Основополагающее значение для обоснования концепции сетевой публичной политики имеет теория делиберативной демократии, разработанная Ю. Хабермасом, Б. Аккерманом, С. Бенхабиб, Дж. Драйзекком. Суть теории делиберативной демократии заключается в том, что современное государство активно привлекает институты гражданского общества, демократическую общественность, экспертное сообщество к сотрудничеству в целях достижения общественного согласия и совместного принятия политических решений при относительной открытости. Исходя из данной теории, сетевые сообщества можно рассматривать как ресурсы современного публичного управления.

Синергетический подход позволяет исследовать процессы сетевизации современного общества и эффекты их проявления в сфере публичной

⁴¹См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999; Гелбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969; Бард А., Зюдерквист Я. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Юнайтед Пресс, 2004; Martin W.J. The Information Society. London: Aslib-Association For Information Management, 1988.

политики в контексте неравновесных структур и стихийного самоорганизующегося возникновения новых общественно-политических форм, появившихся в результате научно-технической революции в сфере информатизации, развитие которых отражается в турбулентных и нелинейных процессах.

Компаративный подход был использован для исследования глобальных и локальных эффектов сетевизации и их результатов в публичной политике современных государств.

При изучении интерактивных компонентов публичной политики применялись теоретико-методологические принципы политической коммуникативистики, согласно которым специфический язык и дискурсивные практики социальных акторов и политической элиты представляют собой форму социального контроля и политического влияния в публичной политике.

Социальный конструктивизм позволил рассмотреть современные процессы институционализации социального порядка как процесс объективизации субъективных когнитивных схем человека, что придает публичной реальности интерсубъективный характер. Теоретические положения П. Бурдье дают основания оценивать процесс политической институционализации сетевых сообществ в публичном пространстве через характеристики социального пространства и процессы субъективного восприятия и принятия социальных норм индивидом. Сетевые принципы формирования социального и политического порядка также были заложены в концепциях социального капитала Р. Патнэма и Ф. Фукуямы.

Теоретическое обоснование политической институционализации сетевых сообществ и механизмов их инкорпорирования в сетевое публичное управление основывалось на результатах серии научно-исследовательских проектов, в которых автор принимал участие. Концептуальная структура проведенных эмпирических исследований базировалась на методологии двойной рефлексивности. Ее основа – сочетание теории, качественной стратегии и стиля коллективной исследовательской работы: по мере продвижения исследований частные аспекты этой методологии проверялись, изменялись и развивались дальше. Из социологических методов сбора информации были использованы глубинное интервью, кейс-стади, интерактивный качественный анализ электронных ресурсов, онлайн-интерактивный сбор и анализ социологической информации в режиме реального времени. Анализ эмпирических данных основывался на качественной стратегии.

Эмпирическая база исследования представлена различными типами источников, репрезентирующих объективную реальность сетевой публичной политики. Среди них:

- нормативно-правовая база и программные документы, закладывающие институциональные основы для формирования информационного общества в РФ: Окинавская хартия глобального информационного общества; Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)»,

Государственная программа РФ «Информационное общество (2011–2020 годы)» и др.;

– результаты социологических исследований, проведенных в период 2007–2012 гг. научными коллективами Института экономики РАН и Национального инвестиционного совета, а также Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН; данные мониторинговых опросов Фонда «Общественное мнение» и Левада-Центра;

– интегрированная база источников ряда самостоятельных эмпирических исследований в виде: 80 транскриптов глубинных интервью с респондентами, включенными в различные типы социальных сетей; материалы 40 кейсов социальных сетей (основанных на глубинных интервью, документах, материалах печатных и электронных СМИ, характеризующих институционализированные формы деятельности сети, результаты интерактивного сбора информации в социальных онлайн-сетях и т.д.); транскрипты 6 фокус-групповых интервью с представителями региональной и местной элиты, а также с лидерами межсекторного партнерства Краснодарского края;

– онлайн-платформы зарубежных и отечественных краудсорсинговых ресурсов различных субъектов деятельности: органов власти, организационных структур гражданского общества (традиционных НКО и сетевых) и социальных сетей.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в разработке теоретической модели, которая раскрывает природу и особенности публичного пространства, соотношение ее нормативных (онтологических) и национальных черт; характер воздействия на ее содержание сетевого ландшафта современного российского общества и механизмов формирования и воспроизводства сетевой публичной политики, а также влияние последней на современную государственную политику России.

Научная новизна конкретизирована в следующих результатах:

1) обоснована и уточнена концепция публичной политики, раскрывающая ее многосоставной и многоуровневый характер, взаимосвязь и взаимообусловленность ее информационно-дискурсивного, деятельностно-активистского, институционального, управленческого и пространственного измерений;

2) выделены этапы и направления развития сетевого подхода в политической науке, обуславливающие структурирование его теоретического поля; охарактеризованы метатеоретические характеристики сетевой методологии связанные с сетевой логикой трансформации политической реальности и сетевым принципом конвергенции политических теорий и концепций в сетевой методологии, способствующие появлению новых знаний;

3) дифференцированы глобальные эффекты сетевизации современной публичной политики, позитивные и негативные результаты которых проявляются в ее различных измерениях; определено понятие «сетевая

публичная политика» и охарактеризованы механизмы ее формирования и воспроизводства;

4) операционализировано понятие «сетевой ландшафт публичной политики», определена его роль в обеспечении преемственности сетевой публичной политики в социокультурной эволюции политической реальности в целом;

5) выявлены сущностные характеристики российской публичной политики в сравнении с ее нормативной моделью, а также структура и специфика сетевого ландшафта российского общества и характер его воздействия на структурные и процессуальные характеристики публичной политики, показана роль национальных и глобальных факторов трансформации национальной модели публичной политики;

6) обоснованы этапы политической институционализации социальных сетей, которые предполагают индивидуальное и групповое включение сетевых акторов в политику; определены практики латентной и партисипационной форм политической институционализации сетевых сообществ, связанных с формальными и неформальными практиками, как результат конвертации их социального капитала в политический;

7) выявлены способы актуализации сетевых сообществ, связанные с такими механизмами сетевой публичной политики, как формирование неинституционализированных политических акторов в виде новых социальных движений и сетевых политических лидеров, сетевая актуализация общественного дискурса в производстве публичных решений, мобилизация общественности;

8) определено значение в развитии публичной политики механизмов инкорпорирования социальных сетей во властно-политическую и административно-управленческую подсистемы публичного управления и предложена их типологизация; охарактеризованы практики и результаты латентных и публичных механизмов инкорпорирования социальных сетей в систему публичного управления;

9) обоснована роль интерактивных механизмов в развитии сетевого публичного управления; оценены универсальные возможности таких механизмов, как электронное правительство, электронное правление, открытое правительство, электронная демократия и краудсорсинг, в создании единой экосистемы сетевого публичного управления и развития публичной политики;

10) теоретически обоснована роль краудсорсинга как вида социально-политической деятельности политических субъектов, использующих ресурсы сетевых сообществ для внедрения политических инноваций в публичную практику общества; описана структура краудсорсинговой деятельности, включающая ее субъекты, технологии, ресурсы и результаты; предложена авторская классификация краудсорсинговой деятельности; оценен инновационный потенциал краудсорсинга как составляющей экосистемы интерактивных механизмов сетевого публичного управления в развитии публичной политики.

Положения, выносимые на защиту

1. Многосоставность и многоуровневость концепта публичной политики проявляется в эвристической возможности объяснения разнообразных политических явлений, связанных с функционированием определенных типов политических режимов и политических систем, с формированием политических субъектов и их деятельностью, институциональной средой политических процессов и политических отношений. Зонтичный характер концепции, определяющий публичную политику как сложный, но целостный феномен, раскрывается через исследование различных взаимосвязанных измерений публичной политики, таких как пространственное, информационно-дискурсивное, деятельностно-активистское, управленческое. При этом подвижность границ публичной политики, ее аутентичность и действенность зависят от характера публичного администрирования и практики гражданского самоопределения.

2. В генезисе сетевого подхода применительно к сфере политических исследований можно выделить несколько этапов, которые характеризуют его специфические черты. На первом этапе (1970–1980-е гг.) сеть используется в качестве аналитически формального инструмента с широким диапазоном методов и процедур сбора и анализа данных о различных социальных и политических объектах. На втором этапе (1990-е гг.) происходит концептуализация понятия «политическая сеть» как формы взаимодействия государства и групп интересов. На третьем (2000-е гг.) концепция сетевого управления (governance) аккумулировала в себе новые тенденции сетевизации публичного управления, связанной с общественным влиянием и гражданским участием в принятии публичных решений. На четвертом этапе (с середины 2000-х гг.) в сетевом подходе формируется сетевая теория политики, в которой сеть рассматривается как переменная в производстве публичных решений. Метатеоретические характеристики сетевой методологии исследования публичной политики, обозначающей новую логику осмысления предельно сложных явлений и процессов, связаны с сетевой синхронизацией и конвергенцией различных концепций политической науки для построения нового теоретического знания.

3. Концепт «сетевая публичная политика» отражает новый тип ее развития, который определяется ее структурными (сетевым ландшафтом) и процессуальными (механизмами) компонентами. Сетевой ландшафт публичной политики представляет собой гетерогенную и динамическую структуру, интегрирующую все многообразие сетей в публичной политике, которые характеризуются плюралистичными основаниями самоорганизации и различными темпоральными характеристиками, обеспечивая преемственность социокультурной эволюции политической действительности. Механизмы воспроизводства сетевой публичной политики формируются под воздействием глобальных эффектов сетевизации современного общества, имеющих как позитивные, так и негативные результаты для национальных моделей публичных политик в различных измерениях.

4. Практики сетевой публичной политики и возможности их распространения и развития возникают в пределах сетевого ландшафта. Сетевой ландшафт публичной политики объединяет в себе различные ландшафтные звенья (традиционного общества, модерна, постмодерна), представленные сетевыми структурами и сетевыми сообществами разной степени устойчивости, связанными между собой коммуникативными связями различной плотности и интенсивности и существующими в определенной социокультурной среде. Сетевой ландшафт привязан к политическому пространству и отражает институциональные (формальные и неформальные) и коммуникативные (публичные и латентные) характеристики сетевых конфигураций из разных слоев публичной политики. Сетевые акторы в публичной политике актуализируют старые (традиционные кланово-родовые, местнические, патрон-клиентарные сетевые отношения) и новые (сети солидарностей, дискурсивные сети, сети новых социальных движений) социальные сети или основываются на формах их конвергенции. Изменения сетевого ландшафта могут быть обусловлены как трансформацией сетевых конфигураций, так и характером коммуникации между ними, что непосредственно отражается на механизмах производства сетевой публичной политики.

5. В российских условиях сложилась уникальная инверсионная по отношению к нормативным типам национальная модель публичной политики, в которой авторитарный политический режим создает институциональные рамки для формирования гражданского общества и его организационной структуры, информационно-дискурсивного пространства и системы публичного управления. Модель «спроса» российским обществом на существующий политический режим обуславливается слабостью политико-культурных традиций институционализации гражданского общества, формирующегося в социокультурном контексте сетевого ландшафта публичной политики. Сетевой ландшафт российской публичной политики объединяет разнообразные векторы эволюции основных ландшафтных звеньев, в которых точки роста систем гражданских отношений, основанных на солидарности и взаимных интересах в решении общих проблем, являются анклавами образованиями в домодерной и антимодерной сетевой среде. На специфические факторы трансформации национальной модели публичной политики, такие как авторитарный политический режим и многоукладный сетевой ландшафт, обуславливающий институциональные возможности формирования дееспособного гражданского общества с системой гражданского партнерства, накладываются глобальные факторы, изменяющие формат публичного пространства и публичных практик в международном контексте.

6. Политическая субъектность социальных сетей проходит три этапа становления, два из которых предполагают групповые формы включения их в политическую жизнь общества. На первом, латентном, этапе происходит нерефлексивное усвоение индивидуальными акторами социальных сетей набора ситуативных социальных ролей и поведенческих стандартов в сфере

политики. Для второго этапа характерно формирование политико-культурных паттернов, типичных для среды определенных сетевых сообществ, регулирующих политическое поведение индивидуальных акторов, и конституирование сетевых сообществ. Третий этап связан с политической институционализацией сетевых сообществ, обеспечиваемой механизмом конвертации ресурсов сетевых сообществ в политический капитал. В результате политическая институционализация приобретает различные формы, раскрывающие конструктивный и деструктивный потенциал политической субъектности социальных сетей – партисипационную форму, мобилизационный уровень и уровень формальной институционализации, и латентную форму, основанную на неформальных практиках инкорпорировании сетевых сообществ в систему публичного управления.

7. Способы актуализации субъектности сетевых сообществ в онлайн-пространстве определяются глобальным контекстом воспроизводства сетевой публичной политики. Процессы конструирования пограничных сетевых сообществ (функционирующих как в онлайн-, так и офлайн-средах публичного пространства), обладающих высоким потенциалом конструктивного гражданского действия, обусловлены механизмом формирования неинституционализированных политических акторов. Дискурсивные практики сетевых онлайн-сообществ и гражданской журналистики проникают в глубины социальных структур, превращая индивидуальных акторов локальных сообществ в носителей «новых фреймов» гражданского участия, что ведет к актуализации сетей гражданской мобилизации и ризомной самоорганизации. Возникновение сетевых онлайн-сообществ способствует усложнению сетевого ландшафта российской публичной политики, где все ландшафтные звенья, существующие в различных темпоральных режимах, начинают взаимодействовать на основе сетевой коммуникации, что способствует разгерметизации закрытых сетевых структур и их включению в производство общественных благ и гражданское партнерство.

8. Механизмы инкорпорирования социальных сетей в систему публичного управления представляют собой комплекс институциональных формальных и неформальных взаимодействий индивидуальных и коллективных сетевых акторов с агентами государства. Институциональные и коммуникативные характеристики инкорпорирования социальных сетей в систему публичного управления определяются латентными и публичными механизмами, которые влияют на результаты принятия публичных решений. Латентное инкорпорирование социальных сетей обеспечивает интеграцию закрытых сетевых сообществ в систему публичного управления и занятие их индивидуальными сетевыми акторами статусных властных и административных диспозиций с целью использования ресурсов государства и общественных благ для реализации частных интересов. Публичные механизмы инкорпорирования социальных сетей в систему публичного управления основаны на институционализации сетевого взаимодействия многообразных моделей сотрудничества и партнерства государственных

агентов и контрагентов в решении различного рода проблем в интересах целевых групп и каналов их влияния на разработку и реализацию государственной политики.

9. Интерактивные механизмы сетевого публичного управления, основанные на рефлексивной включенности индивидуальных акторов в интегрированное с интернет-средой политическое пространство, представляют собой принципы и способы сетевого взаимодействия власти и граждан в принятии публичных решений на основе современных информационно-коммуникативных технологий. Они включают в себя электронное правительство, электронное правление, открытое правительство, электронную демократию и краудсорсинг. Универсальность интерактивных механизмов развития публичной политики заключается в создании единой экосистемы, которая охватывает всю плюральность частных интересов, политико-культурных паттернов и стилей мышления и интегрировать инновационные знания акторов в выработку и решении общественных проблем. Возможности экосистемы интерактивных механизмов могут обеспечить как стратегический курс развития государства в виде различных проектных сетевых структур, так и векторы альтернативного развития идущего снизу субполитического.

10. Системообразующим механизмом в экосистеме сетевого публичного управления является краудсорсинг. Политический краудсорсинг представляет собой целенаправленную деятельность субъектов политики по использованию ресурсов граждан, организованных в общественные сети в онлайн-пространстве, в коллективном создании (идеи, проекты) и/или закреплении (решения, практики) политических инноваций в сфере публичной политики. Конструктивный потенциал политического краудсорсинга раскрывается через его функциональное наполнение: интеграцию ресурсов сетевых сообществ и конституирование общественных сетей для эффективного решения публичных проблем; внедрение политических инноваций в публичную политику; институциональное изменение путем эволюции парадигмы публичной политики, основанной на новых сетевых структурах и процессах, нестандартных идеях и сетевых практиках. Для российской публичной практики характерно создание органами власти информационных онлайн-платформ, в которых сочетаются характеристики проектного и законотворческого краудсорсинга; институты гражданского общества используют инновационный потенциал краудсорсинга на основе таких технологий, как политический рынок прогнозов, сетевой брейнстром, краудкастинг и проектный краудсорсинг.

Научно-теоретическая и практическая значимость диссертации. Научно-теоретическая значимость диссертация заключается в разработке автором концептуальной модели сетевой публичной политики, позволяющей не только обосновать метатеоретические возможности сетевого подхода, но и интегрировать их с другими теоретическими концепциями политической науки в эмпирических исследованиях российской публичной политики, которые охватывают все ее уровни и сегменты. Предложенная теоретическая

модель с набором операциональных понятий и социологическим инструментарием дает возможность проводить компаративные эмпирические исследования сетевого ландшафта публичной политики и компонентов сетевой публичной политики в широком историческом и социокультурном контексте.

Результаты научного исследования позволят расширить теоретико-методологическое поле сетевого подхода в политической науке. Теоретическое моделирование тесно связано с результатами эмпирических исследований, которые выходят на уровень практико-ориентированных политологических выводов, содержащих рекомендации по внедрению механизмов сетевого публичного управления для расширения пространства публичности и модернизации системы публичного управления.

Практическая значимость работы состоит в том, что в предложенном формате эмпирического анализа можно не только диагностировать и прогнозировать развитие публичной политики в современной России, но и проектировать перспективные формы управленческого воздействия на социальные сети, обеспечивающие рост конструктивной политической самоорганизации и сетевой активности граждан, эффективное сетевое взаимодействие органов власти и институтов гражданского общества. Интерактивные механизмы сетевого публичного управления, в том числе краудсорсинговой деятельности, помогут органам государственного и муниципального управления моделировать сетевые сообщества и использовать их инновационный потенциал для решения задач по модернизации публичной политики и общества в целом. Практические рекомендации, сформулированные автором, могут стать основой для научно-методических материалов по созданию и оптимизации краудсорсинговой проектной деятельности, ее консалтинговой и аналитической поддержке. Таким образом, использование материалов диссертации должно способствовать повышению качества принятия политических решений как государственными, так и негосударственными акторами.

Основные выводы и положения диссертации могут быть использованы при разработке новой магистерской программы «Политический анализ сетевых практик» по направлению «Политология», учебного курса «Социально-политический краудсорсинг» в магистерских программах по направлению «Политология» и «Государственное и муниципальное управление», а также при преподавании учебных курсов «Политический анализ и прогнозирование», «Антикоррупционная политика», «Сетевой подход в политических исследованиях», входящих в учебный план студентов, обучающихся по направлениям «Государственное и муниципальное управление», «Политология».

Апробация результатов исследования. Основные положения исследования были изложены автором в 38 научных работах общим объемом более 60 печатных листов, в том числе 4 монографиях и 19 статьях в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации результатов докторских диссертаций; а также в

выступлениях на различных международных и всероссийских научных конференциях, в том числе на V и VI всероссийских конгрессах РАПН (2009, 2012 гг.), Международной научной конференции «Сети в глобальном мире: структурные трансформации в Европе, США и России» (2012 г.).

В рамках проблематики диссертационного исследования автор принимал участие в качестве руководителя в следующих проектах: грант Президента РФ «Социальные сети как ресурс модернизации современного российского общества: концептуальные основы и методология межрегиональных сравнений» (2011–2012 гг.); проект целевого конкурса РГНФ по поддержке молодых ученых «Трансформация социальных сетей в online- и offline-среде публичной политики: нейтрализация угроз и развитие позитивного потенциала» (2012–2014 гг.); в качестве исполнителя – проект РФФИ «Социальные сети в региональном социально-политическом процессе» (2006–2008 гг.); проект «Формирование и реализация региональной модели поддержки инновационной деятельности на всех этапах инновационного цикла в Краснодарском крае» по программе «Развитие научного потенциала высшей школы» Министерства образования и науки РФ (2008 г.); проект Института общественного проектирования №127-рп «Проблемы рекрутирования политических лидеров муниципального и регионального уровня в современной России для оптимизации и повышения общественно-политической активности» (2012 г.).

В настоящее время диссертант реализует исследовательские проекты, в которых апробируются основные положения научной работы: проект Министерства образования и науки РФ №6.1134.2011 «Сетевой ландшафт российской публичной политики: проблемы развития и безопасность» (2012–2013 гг.); грант РГНФ «Конструктивный потенциал социальных сетей в сфере публичной политики в условиях модернизации современного российского общества» (2011–2013 гг.). Материалы проекта были апробированы автором в разработке учебных курсов по программам «Государственная молодежная политика» в Институте профессиональной переподготовки и повышения квалификации кадров КубГУ, МРА (Master of Public Administration) Университета Кларк.

Структура работы состоит из введения, трех глав, девяти параграфов, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, дается характеристика степени ее научной разработанности, определяются объект, предмет и гипотеза, формулируются цель и задачи исследования, раскрываются его научная новизна и практическая значимость, рассматриваются используемые методы и подходы, описывается эмпирическая база диссертационной работы, представляются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Теоретические аспекты исследования процесса сетевизации публичной политики» посвящена концептуальной базе изучения сетевых конструкторов и механизмов в российской публичной политике и разработке теоретической модели сетевой публичной политики.

В первом параграфе первой главы «Публичная политика как зонтичная концепция политической науки» обосновывается зонтичный характер концептуальной модели публичной политики, позволяющей раскрыть ее сложносоставный характер через взаимосвязанные и взаимообусловленные измерения.

Комплексность и многоуровневость публичных процессов обуславливают ограниченность позиции динамической конкуренции различных подходов в исследовании публичной политики. Автор показывает, что зонтичная концепция позволяет интегрировать различные измерения, представленные разными теориями политической науки. Система координат публичной политики связана с такими ее взаимосвязанными и взаимообусловленными измерениями, как информационно-дискурсивное, деятельностно-активистское, управленческое и пространственное. Информационно-дискурсивное измерение интерпретируется в категории публичной сферы, где проявляются рефлексивные способности человека включаться в мир политического. Публичная сфера представляет собой информационно-коммуникативное пространство, в котором на основе информации о политических событиях происходит конструирование групп общественности – «паблик», участвующих в формировании общественно-политического дискурса. Дискурсивность, или ресурсы коммуникативной власти в публичной сфере, отражают как качественные характеристики развития общественности, проявляющиеся в их автономности в производстве общественного дискурса, так и способы целенаправленного информационно-коммуникативного воздействия власти.

В информационно-коммуникативной среде посредством политического дискурса конституируются и институционализируются различные политические акторы, принимающие участие в делиберативном политическом процессе, который связывает дискурсивные практики с циклическим производством публичных решений на основе диалога и согласования позиций. Ресурсы публичности политических акторов и характер их публичной деятельности и участия в принятии решений характеризует деятельностно-активистское измерение публичной политики.

Управленческое измерение публичной политики позволяет определить институциональные и технологические характеристики гражданского участия в производстве публичных решений. В системе публичного управления существует политическая и административные подсистемы, задающие институциональный коридор для участия граждан в процессе принятия решений и влияния на них. Политическая подсистема результирует дискурсивность публичной сферы, посредством системы политического представительства формируя политический курс. Административная подсистема регулирует процесс принятия публичных решений после их легитимации и институционализирует практики вовлеченности граждан в административную деятельность.

Пространственные характеристики публичной политики связывают ее различные измерения в единую целостность как действительность объективного порядка, оформленную легитимными практическими схемами, составляющими действительность субъективного порядка. Пространство публичной политики существует в более широких социальных контекстах, что позволяет выявить специфику национальных моделей.

Во втором параграфе первой главы «Сетевой подход в политических исследованиях: содержание и направления развития» прослеживается эволюция развития основных направлений сетевого подхода в политической науке, рассматриваются метатеоретические характеристики сетевой методологии в исследовании публичной политики.

В генезисе сетевого подхода применительно к сфере политических исследований можно выделить несколько этапов, которые характеризуют его специфические черты. На первом этапе – в 1970–1980-х гг. – наблюдалось проникновение в политическую науку сетевых принципов анализа, сформулированных социологами и нашедших свое применение в эмпирических политических исследованиях. Сеть используется в качестве аналитически формального инструмента с широким диапазоном методов и процедур сбора и анализа данных о различных социальных и политических объектах – как структурах, так и отдельных акторах. На основе качественных и количественных подходов к сетевому анализу политических структур в 1990-х гг. формируется представление о сети как структурной базе политического анализа, с помощью которого возможны исследования процесса выработки политики. На втором этапе развития сетевого подхода (1990-е гг.) происходит концептуализация понятия «политическая сеть» как формы взаимодействия государства и групп интересов. Концепт «политическая сеть», интегрируясь с теориями неоинституционализма, позволил выявить сетевые основания структурных и функциональных характеристик процесса выработки публичной политики. Актуализация проблемы результативности политических сетей в публичной политике дала толчок переориентации сетевого подхода на сферу государственного управления и развитию нового направления – исследования сетевого управления как синтеза сетевой теории и теории нового государственного менеджмента. На третьем этапе развития сетевого подхода – 2000-е гг. –

концепция сетевого управления (governance) аккумулировала в себе новые тенденции сетевизации публичного управления, что нашло отражение в новом содержании государственного управления, его организационной и технологической составляющей, связанной с общественным влиянием и гражданским участием в принятии публичных решений. В исследовании обосновывается, что сегодня сетевой подход находится на четвертом этапе своего развития, в рамках которого формируется сетевая теория политики. Интегрировав теории и концепции, возникшие в предшествующие периоды, сетевая теория политики рассматривает сеть как переменную в производстве политики, используя категориальный аппарат сетевого подхода к исследованию и оценке структурно-функциональных, процессуальных, результативных и управленческих компонентов публичной политики.

Автор приходит к выводу, что, несмотря на весьма условные хронологические рамки в дифференциации выделенных этапов, можно говорить об отчетливом структурировании теоретического поля сетевого подхода. В то же время эволюционирование сетевой теории от аналитических принципов сетевого политического анализа к концептуализации сетевой теории политики происходило методом наслоения концепций, представленных различными теоретическими направлениями сетевого подхода. Его развитие основывалось на интеграции собственно сетевых концепций с разнообразными по научной спецификации и уровням теориями, к числу которых принадлежат школы социального структурного анализа межорганизационной теории, неонституционализма, академической теории администрирования бизнеса, теории общественного выбора и неоменеджеризма стран Западной Европы и Северной Америки. Благодаря связке с сетевой теорией другие теории, с одной стороны, получали новую интерпретацию, а с другой – методологически обогащали ее, наполняя междисциплинарными аналитическими принципами. Такого рода сетевые процессы научной конвергенции приводят к синергетическому эффекту в производстве нового эквивалентного теоретического знания.

Однако, предлагая абстрактные модели, свою спецификацию сетевая теория обретает только на уровне приложения сетевого подхода к конкретным исследованиям, сопряженным с различными предметными областями политической науки, такими как компаративистика, коммуникативистика, регионалистика, публичная политика, менеджмент и т.д. Конкретные исследования в рамках сетевой проблематики способствуют созданию операциональных моделей, с помощью которых возможно эмпирическое описание и интерпретация феноменов и процессов в определенных сегментах политической сферы, а также их прогностическое осмысление. Сетевая методология, ориентированная на осмысление новейших глобальных тенденций, способна выступить интегрирующим началом для создания разнообразных теорий среднего уровня, в том числе концепции сетевой публичной политики.

В третьем параграфе первой главы «Сетевая публичная политика как новый концепт политической науки» выявляются основные

структурные элементы теоретической модели сетевой публичной политики и характеризуются механизмы ее воспроизводства в современном политическом пространстве.

Процессы сетевизации, или экспансии сетевого общества, приобретая масштаб глобальных изменений, оказывают существенное влияние на технологические, информационно-коммуникационные, экономические, культурные и политические основания современного общества. В работе демонстрируется, что сетевые структуры, процессы и технологии, основанные на цифровом формате, захватывают уже ставшими традиционными уклады индустриального и постиндустриального общества и определяют новый формат социальности. В публичной политике это проявляется в виде эффектов сетевизации, которые способствуют формированию механизмов воспроизводства нового типа онтологии публичной политики – сетевой публичной политики.

В авторском концепте сетевой публичной политики осмысливаются современные процессы трансформации политической реальности и предлагается аналитический инструментарий для их дальнейшего теоретического и эмпирического исследования. Сетевой тип публичной политики определяется ее структурными (сетевой ландшафт) и процессуальными (механизмы) компонентами, которые формируются под воздействием эффектов сетевизации современного общества.

Теоретическая модель сетевой публичной политики включает: 1) эффекты сетевизации, или факторы трансформации публичной политики, имеющие как позитивные, так и негативные результаты; 2) сетевой ландшафт публичной политики как гетерогенную и динамическую структуру, которая интегрирует все многообразие сетей, характеризующихся плюралистичными основаниями самоорганизации и различным темпоральными характеристиками, обеспечивая преемственность сетевой публичной политики с социокультурной эволюцией политической онтологии в целом; 3) механизмы воспроизводства сетевой публичной политики в различных ее измерениях – пространственном, информационно-дискурсивном, институциональном, деятельностно-активистском, управленческом.

В целом выделенные автором эффекты сетевизации публичной политики (эффект сетевого расширения публичного пространства, эффект «сетевых феодалов и крепостных» в публичном пространстве, эффект сетевой трансформации гражданского общества, эффект сетевого институционального реверса, эффект новых социальных движений, эффект ризомной сетевой самоорганизации, эффект сетевой гражданской журналистики, эффект сетевизации публичного управления) способствуют формированию в политической реальности устойчивых механизмов производства сетевой публичной политики: сетевой коммуникации; рефлексивной включенности индивида в публичное пространство; коммуникативной власти; сетевой идентичности; институционализации сетевых структур гражданского общества; политического трансфера инновационных гражданских практик; формирования

неинституционализированных политических акторов; сетевой актуализации общественного дискурса в производстве публичных решений; сетевой мобилизации общественности; формирования сетевых лидеров; сетевого управления и механизма электронного участия.

Однако формирование сетевой публичной политики представляет собой незавершенный проект нелинейного развития, ее проявления связаны с различными, нередко разнонаправленными, эффектами сетевизации. Таким образом, под определение сетевой публичной политики подпадают лишь те политические явления и события, в которых наблюдается «прорастание» эффектов сетевизации «поверх» рутинных практик традиционной публичной политики. Сетевая публичная политика формируется не по плану властвующего «архитектора», а в результате интеграции взаимодействующих усилий рефлексизирующих политических акторов, каждый из которых позиционирует свой план обустройства социально-политического порядка в интерактивном политическом пространстве.

Вторая глава «Сетевой ландшафт публичной политики современной России» посвящена характеристике структурных и процессуальных компонентов национальной модели российской публичной политики, факторам ее современной трансформации, определению места и роли сетевых структур и сетевых процессов в ее развитии.

В первом параграфе второй главы «Российская модель публичной политики и факторы ее современной трансформации» выявлены характеристики российской публичной политики в сравнении с ее нормативной моделью, а также структура и специфика сетевого ландшафта российского общества и характер его воздействия на структурные и процессуальные характеристики публичной политики, показана роль национальных и глобальных факторов трансформации национальной модели публичной политики.

Автор показывает, что в российской национальной модели публичной политики, складывание которой пришлось на период демократических преобразований в начале 1990-х гг., системообразующим фактором трансформации является политический режим. Он определяет институциональные рамки формирования гражданского общества и его организационной структуры, институциональный комплекс каналов гражданского участия в принятии публичных решений влияет на структуру информационно-дискурсивного пространства и характер делиберативного процесса, определяет, а также характер взаимодействия властно-политической и административно-управленческой подсистем публичного управления.

Сложившийся в 2000-е гг. политический режим способствовал не только стабилизации социально-экономической и политической ситуации в стране, но и сужению пространства публичной политики, которое проявилось в деформации институтов политического представительства и их дальнейшей функциональной неэффективности при целенаправленном конструировании массовых коммуникаций, что нивелировало роль информационно-

дискурсивных практик в выработке политического курса государства. Модель спроса на существующий политический режим обуславливается слабостью политико-культурных традиций институционализации гражданского общества.

Многоукладность и неоднородность социального пространства как результат глокализации препятствует складыванию органической социетальной интеграции российского общества, так как агломерат разных локальных сообществ дифференцирует общество по ценностным ориентациям, образам жизни и стратегиям гражданской активности. Социокультурная специфика многоукладного общества отражается в его сетевом ландшафте и формах социального капитала, который воспроизводится определенными сетевыми ландшафтными звеньями, тем самым создавая возможности и ограничения для создания интегративного гражданского общества. Разнообразные по своим политико-культурным паттернам домодерные и антимодерные сети, ориентированные на сильные, но закрытые взаимодействия на основе персонифицированного доверия, подменили институты гражданского общества, но не стали полноценной институциональной структурой гражданского партнерства в российской публичной политике. Модерные и постмодерные сети нацелены на формирование широких связей сотрудничества, основанных на неперсонифицированном доверии и пересекающихся границах межличностного взаимодействия. Данные сети являются точками роста активности, способствующими выработке гражданских ценностей в пространстве публичной политики. Таким образом, сетевой ландшафт публичной политики включает разнообразные векторы эволюции основных ландшафтных звеньев, образуя гетерогенную структуру российского общества, в которых точки роста систем гражданских отношений, основанных на солидарности и взаимных интересах в решении общих проблем, являются анклавными образованиями в домодерной и антимодерной сетевой среде.

В диссертации доказывается, что на специфические факторы трансформации национальной модели публичной политики, такие как авторитарный политический режим и многоукладный сетевой ландшафт, обуславливающий институциональные возможности формирования дееспособного гражданского общества с системой гражданского партнерства, накладываются глобальные факторы, изменяющие формат публичного пространства и публичных практик в международном контексте. К ним относятся: рефлексивная включенность граждан в публичное пространство, его расширение и качественное изменение за счет появления и развития Интернета, а также самоорганизация гражданской активности на основе современных и постмодерных социальных сетей. Формирование общественного запроса на новые сетевые практики прямого гражданского участия в решении публичных проблем ставит под угрозу стабильность существующего политического режима, консервирующего национальную

модель публичной политики, и создает условия для реализации эволюционного сценария политической модернизации государства.

Качественная трансформация публичной политики и модернизация государства невозможны без использования конструктивного потенциала сетевого ландшафта публичной политики, который продуцирует практики гражданской солидарности и самоорганизации. Исследование сетевого ландшафта российской публичной политики требует его рассмотрения в двух взаимосвязанных средах – реальном пространстве социокультурной среды и реальной виртуальности онлайн-пространства.

Во втором параграфе второй главы «Практики политической институционализации социальных сетей в социокультурной среде российского общества» обосновываются этапы политической институционализации социальных сетей, которые предполагают индивидуальное и групповое включение сетевых акторов в политику; определяются практики латентной и партисипационной форм политической институционализации сетевых сообществ.

Эмпирические исследования различных социальных сетей, действующих в регионах современной России, показали, что рассмотрение политической институционализации социальных сетей невозможно без изучения процесса вхождения социальных сетей в публичную политику и формирования сетевых сообществ в качестве политического актора. Становление политической субъектности социальных сетей проходит три этапа, два из которых предполагают групповые формы включения в политическую жизнь общества. На первом этапе – латентном – происходит погружение социальных сетей в политическую действительность через индивидуализацию акторами сетей поддержки политической повседневности и нерефлексивное усвоение личностью набора ситуативных социальных ролей и поведенческих стандартов в сфере политики. Второй этап включенности социальных сетей в политику, определяемый как субкультурное позиционирование сетевых сообществ, тесно связан с такими социальными механизмами, как идентичность/идентификация, социализация, интериоризация. На данном этапе формируются политико-культурные паттерны, типичные для среды определенных сетевых сообществ, регулирующих политическое поведение индивидуальных акторов, и конституируются сетевые сообщества. Под сетевыми сообществами понимается совокупность социальных взаимоотношений и социальных связей акторов, действующих в различных средах (офлайн и онлайн), т.е. между определенными индивидами и самими индивидами, объединенными коллективной идентичностью и общностью нормативно-ценностных схем, позволяющих им обмениваться различными видами ресурсов в процессе их взаимодействия.

Третий этап включенности социальных сетей в политику связан с политической институционализацией сетевых сообществ, которая обеспечивается механизмом конвертации ресурсов открытых и закрытых сетевых сообществ в политический капитал. В результате конвертации

социальных ресурсов в политические практики политическая институционализация приобретает партисипационную форму, включая мобилизационный уровень формирования политической субъектности сетевых сообществ и уровень формальной институционализации сетевых сообществ, и латентную форму, основанную на неформальных практиках инкорпорировании сетевых сообществ в систему публичного управления. Партисипационная форма политической институционализации обусловлена конституированием открытых сетевых сообществ, обладающих конструктивным потенциалом для разворачивания субъектности в публичной политике. Латентная политическая институционализация происходит благодаря неформальным политическим практикам закрытых сетевых сообществ, что способствует сужению сферы публичной политики и консервированию деструктивного потенциала сетевых сообществ.

В третьем параграфе второй главы «Конструирование сетевых сообществ в онлайн-пространстве публичной политики» выявляются и характеризуются способы актуализации сетевых сообществ в онлайн-пространстве, определяется их позитивный и конструктивный потенциал для развития российской публичной политики.

Интенсивное развитие онлайн-пространства способствовало оформлению в его виртуальном социальном пространстве гражданского сетевого сообщества. На основе анализа результатов эмпирических исследований социальных сетей, действующих в онлайн- и офлайн-среде публичной политики в период 2008–2012 гг., автор приходит к выводу, что функционирование онлайн-пространства российской публичной политики обусловило следующие узловые точки в актуализации политической субъектности сетевых сообществ: а) конструирование пограничных сетевых сообществ (функционирующих как в онлайн-, так и в офлайн-пространстве), обладающих высоким потенциалом конструктивного гражданского действия, что обусловлено развитием блогосферы и социальных онлайн-сетей, а также их влиянием на усложнение сетевого ландшафта публичной политики; б) создание информационно-дискуссивных площадок публичной политики на основе интерактивной среды медиакommюнити, способствующей не только формированию принципиально новых информационных возможностей для политических дискуссий и участия, но и конструированию новых групп и контргрупп политической сетевой общественности; в) формирование сетей гражданской мобилизации как неинституционализированных акторов российского политического процесса, эффективность которых обеспечивается широтой и интенсивностью использования информационно-коммуникативных технологий; г) появление новых практик формальной институционализации сетевых онлайн-сообществ в российской публичной политике.

Точки роста сетей мобилизации и самоорганизации граждан, потенциал их политической институционализации в реальном политическом пространстве способствуют развитию институциональных условий формирования полноценного гражданского общества, способного расширить

пространство публичной политики и предложить интерактивные каналы взаимодействия власти и граждан в новых информационных условиях. Потенциал институционализации новых каналов гражданского участия непосредственно связан с существующими и формирующимися механизмами инкорпорирования социальных сетей в систему публичного управления.

В четвертом параграфе второй главы «Инкорпорирование социальных сетей в систему публичного управления» определено значение в развитии публичной политики механизмов инкорпорирования социальных сетей во властно-политическую и административно-управленческую подсистемы публичного управления и предложена типологизация данных механизмов.

Исследование 30 региональных кейсов социальных сетей показало, что институциональные и коммуникативные характеристики инкорпорирования социальных сетей в систему публичного управления определяются латентными и публичными механизмами, которые влияют на принятие публичных решений. Латентное инкорпорирование социальных сетей представляет собой комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных механизмов, обеспечивающих интеграцию закрытых сетевых сообществ в систему публичного управления и занятие их индивидуальными сетевыми акторами статусных властных и административных позиций с целью использования ресурсов государства и общественных благ для реализации частных интересов. Автор приходит к выводу, что латентные механизмы инкорпорирования социальных сетей, как правило, обусловлены политико-культурными паттернами российского общества, в которых воспроизводятся генетические коды социокультурной эволюции и константы политического развития. Во властно-политической подсистеме это происходит в виде формирования в системе публичного управления политических клиентел, рекрутинга политической элиты на основе закрытых сетевых сообществ, субъективного институционального строительства, политического инвестирования бизнеса во власть, а в административно-управленческой подсистеме – в виде установления особых правил игры представителями сетевых сообществ и формирования коррупционных механизмов рыночного взаимодействия бизнеса и власти.

Публичные механизмы инкорпорирования социальных сетей в систему публичного управления основаны на институционализации сетевого взаимодействия многообразных моделей сотрудничества и партнерства государственных агентов и контрагентов в решении различного рода проблем в интересах целевых групп и каналов их влияния на разработку и реализацию государственной политики. Во властно-политической подсистеме формируются следующие публичные механизмы инкорпорирования социальных сетей: мобилизационная интеграция проблемных сетей в систему публичного управления, субстанциональное взаимодействие новых социальных движений и органов публичного управления, сетевая интеграция экспертных сообществ в делиберативный процесс. В административно-управленческой подсистеме это механизм процедурной интеграции

проблемных сетей в систему публичного управления и комплекс механизмов межсекторного социального партнерства. Сквозными для всей системы публичного управления являются разнообразные механизмы общественного и гражданского участия.

Публичные механизмы предполагают образование открытых сетевых сообществ, интегрирующихся или примыкающих к системе публичного управления, которые способствуют формированию культуры доверия на основе универсальных публичных ценностей и разрешению конфликтов между различными агентами и контрагентами, обмену информацией и продуцированию новых знаний, разрешению общественно значимых проблем и повышению эффективности публичного управления. Развитие публичных механизмов инкорпорирования социальных сетей позволит в перспективе сформировать институциональную систему сетевого публичного управления, которое не только существенно расширит возможности гражданского общества воздействовать на процесс принятия решений, но и качественно изменит пространство публичной политики.

Третья глава **«Интерактивные механизмы и технологии развития публичной политики: российский опыт»** характеризует роль интерактивных механизмов сетевого публичного управления в развитии российской публичной политики, определяет значение краудорсинга как инновационной социально-политической деятельности политических акторов в экосистеме сетевого публичного управления.

В первом параграфе третьей главы **«Интерактивные механизмы сетевого публичного управления в современной России»** дана оценка универсальных возможностей разнообразных интерактивных механизмов создания единой экосистемы сетевого публичного управления и развития публичной политики.

Рефлексивная включенность граждан и механизмы их сетевой самоорганизации обусловили появление публичных механизмов инкорпорирования социальных сетей в систему публичного управления. Интерактивные механизмы сетевого публичного управления – электронное правительство, электронное правление, электронная демократия – стали неотъемлемой частью публичной политики современных государств как результат ее сетевизации. Открытое правительство, будучи интерактивным механизмом, позволяет интегрировать электронное правительство и электронную демократию в единую экосистему публичной политики. Открытые данные органов публичного управления способствуют рефлексивной включенности граждан в пространство публичной политики, конструированию различных сетей знания, ориентированных на производство уникальных идей и проектов, направленных на решение публичных проблем. Развитие интерактивных механизмов сетевого публичного управления, с одной стороны, было подготовлено десятилетним периодом информатизации российского общества и органов власти; с другой – стало попыткой в рамках эволюционного сценария модернизировать или создать видимость модернизации государства.

Универсальность интерактивных механизмов развития публичной политики заключается в создании единой экосистемы, которая способна охватить всю плюральность частных интересов, политико-культурных паттернов и стилей мышления и интегрировать инновационные знания акторов в выработку и решении общественных проблем. Возможности экосистемы интерактивных механизмов могут обеспечить как стратегический курс развития государства в виде различных проектных сетевых структур, так и векторы альтернативного развития субполитического. В условиях многоукладного сетевого ландшафта публичной политики это становится более актуальным, так как позволяет выйти за рамки унифицирующей единой стратегии модернизации государства и сконцентрировать усилия сетевого межсекторного взаимодействия на разработке и реализации ряда дифференцированных стратегий, ориентированных на решение проблем разных сегментов российского общества.

Во втором параграфе третьей главы **«Краудсорсинг в публичной политике современного российского общества: технологии, ресурсы и результаты»** определены структурные и технологические компоненты краудсорсинга как интерактивного механизма сетевого публичного управления, оценены возможности его использования в социально-политической деятельности различных политических акторов в российской публичной политике.

На основе интерактивного анализа онлайн-платформ зарубежных и отечественных краудсорсинговых ресурсов различных субъектов деятельности автор доказывает, что краудсорсинг – один из эффективных интерактивных механизмов, способствующих формированию экосистемы сетевого публичного управления. Суть политического краудсорсинга заключается в использовании инновационного потенциала коллективного разума индивидуальных акторов, деятельность которых направлена на решение публичных проблем в организованных общественных сетях в онлайн-пространстве. Субъектами краудсорсинговой деятельности могут выступать многообразные политические акторы – государство, политические партии, политические лидеры, корпоративный бизнес, структуры гражданского общества, СМИ. Технологии краудсорсинга, первоначально возникшие в социальных онлайн-сетях, а затем адаптированные политическими субъектами к публичной практике включают в себя: а) краудсорсинг как рынок прогнозов развития ситуации в будущем и ожидаемых результатах; б) краудкастинг направленный на решение публичных проблем с привлечением ресурсов сетевых сообществ; в) краудсорсинг как сетевой брейнсторм по генерации разнообразных идей в контексте определенной публичной проблемы; г) проектный краудсорсинг – постоянно действующий информационный ресурс, создателями и одновременно потребителями контента которого являются акторы разнообразных сетевых сообществ.

Властные структуры адаптировали типичные технологии краудсорсинга к задачам государства следующим образом: а) краудсорсинг как

политический рынок прогнозов широко используется властными аналитическими структурами для построения оперативных и стратегических прогнозов внутренней и внешней политики государства; б) сетевой брейнсторм получил распространение в виде законотворческого краудсорсинга; в) широкое применение нашли технологии проектного краудсорсинга и краудкастинга, интеграция которых закрепились в технологии вики-сотрудничества органов власти и гражданского общества.

Краудсорсинговые технологии позволяют легитимировать политику государства за счет нового организованного участия граждан в управлении, что противодействует распространению аполитичности и «усталости от демократии». Технологической основой для моделирования технологий краудсорсинговой деятельности служат: постоянно действующие ресурсы на базе онлайн-платформ открытого правительства или же автономные онлайн-платформы (временные или постоянно действующие), созданные для решения определенных общественно значимых проблем самоорганизующимися сетевыми структурами; онлайн-платформы организационных структур гражданского общества как традиционных (НКО, «фабрик мысли», бизнеса, СМИ и т.д.), так и сетевых (сетевых политических партий, новых социальных движений и т.д.); социальные онлайн-сети.

В заключении подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы и практические рекомендации, выделяются возможные направления дальнейшего изучения проблемы.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Монографии

1. Мирошниченко, И.В. Сетевой ландшафт российской публичной политики: монография / И.В. Мирошниченко. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. – 295 с. (17,20 п.л.)
2. Социальные сети в публичной практике современной России: модернизационный потенциал: монография / И.В. Мирошниченко, Е.В. Морозова, А.А. Гнедаш, Н.А. Рябченко. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2012. – 184 с. (личный вклад – 5,2 п.л.).
3. Рябченко, Н.А., Мирошниченко, И.В. Институционализация публичной политики в online-пространстве современной России: монография / Н.А. Рябченко, И.В. Мирошниченко. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2012. – 173 с. (личный вклад – 5 п.л.).
4. Мирошниченко, И.В. Политическая культура социально-профессиональных групп: монография / И.В. Мирошниченко; под. ред. Е.В. Морозовой. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. – 166 с. (9,76 п.л.).

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации

1. Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия: (круглый стол / А.В. Понеделков, Р.Х. Усманов, Н.В. Гришин, А.В. Баранов, Я.Ю. Шашкова, И.В. Мирошниченко // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2013. – №1. – С. 327–340 (личный вклад – 0,3 п.л.).
2. Мирошниченко, И.В., Гнедаш, А.А. Социальные сети как агенты институциональных изменений в публичной политике регионов: межрегиональные исследования / И.В. Мирошниченко, А.А. Гнедаш // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – №9. – С. 54–62 (личный вклад – 0,5 п.л.).
3. Мирошниченко, И.В., Усманов, Р.Х. Социальные сети в региональных полициях: латентные структуры или публичные акторы? // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – №4. – С. 94–106 (личный вклад – 0,5 п.л.).
4. Мирошниченко, И.В. Публичная политика в современной России: состояние и тенденции развития / И.В. Мирошниченко // Человек. Сообщество. Управление. – 2012. – №3. – С. 4–14 (0,8 п.л.).
5. Мирошниченко, И.В. Формирование субъектности сетевых сообществ в российской публичной политике / И.В. Мирошниченко // Человек. Сообщество. Управление. – 2012. – №1. – С. 76–86 (0,8 п.л.).

6. Мирошниченко, И.В. Краудсорсинговая деятельность в публичной политике: новые возможности гражданского общества / И.В. Мирошниченко // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2012. – Т. 8, №3. – С. 150–158 (1,2 п.л.).
7. Морозова, Е.В., Мирошниченко, И.В. Сетевые сообщества в условиях чрезвычайных ситуаций: новые возможности для граждан и власти / Е.В. Морозова, И.В. Мирошниченко // Полис. – 2011. – №1. – С. 140–152 (личный вклад – 0,5 п.л.).
8. Мирошниченко, И.В. Конструирование сетевой общественности в online-среде публичной политики / И.В. Мирошниченко // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2011. – №4. – С. 138–145 (0,9 п.л.).
9. Мирошниченко, И.В. Инкорпорирование социальных сетей в процесс принятия политических решений / И.В. Мирошниченко // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2011. – Т. 7, №4. – С. 150–158 (0,75 п.л.).
10. Мирошниченко, И.В. Модернизационный потенциал краудсорсинга в современной публичной политике / И.В. Мирошниченко // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2011. – Т. 4, №6. – С. 31–39 (0,8 п.л.).
11. Морозова, Е.В., Мирошниченко, И.В. Институционализация социальной сети в сфере публичной политики (на примере кадетского движения в современной России) / Е.В. Морозова, И.В. Мирошниченко // Вестник Пермского университета. – Сер.: Политология. – 2011. – №4. – С. 97–111 (личный вклад – 0,5 п.л.).
12. Морозова, Е.В., Мирошниченко, И.В., Войлова, Е.С. Трансформация корпоративной социальной ответственности в условиях глобального финансового кризиса / Е.В. Морозова, И.В. Мирошниченко, Е.С. Войлова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2010. – №3. – С. 9–16 (личный вклад – 0,3 п.л.).
13. Морозова, Е.В., Мирошниченко, И.В. Сетевые сообщества в условиях чрезвычайных ситуаций: типы поведения акторов / Е.В. Морозова, И.В. Мирошниченко // Человек. Сообщество. Управление. – 2010. – №4. – С. 16–24 (личный вклад – 0,4 п.л.).
14. Морозова, Е.В., Мирошниченко, И.В. «Инвесторы политического капитала»: социальные сети в политическом пространстве региона / Е.В. Морозова, И.В. Мирошниченко // Полис. – 2009. – №2. – С. 76–92 (личный вклад – 0,6 п.л.).
15. Мирошниченко, И.В. Политические лидеры местных сообществ: реферат / И.В. Мирошниченко // Политическая наука. – 2007. – №1. – С. 189–190 (0,1 п.л.).
16. Мирошниченко, И.В. Формирование политической субкультуры: социальные механизмы и уровни субъектности социально-профессиональных групп в политике / И.В. Мирошниченко // Человек. Сообщество. Управление. – 2006. – №4. – С. 178–191 (1,0 п.л.).

17. Мирошниченко, И.В. Модели политического поведения социально-профессиональных групп / И.В. Мирошниченко // Человек. Сообщество. Управление. – 2005. – №2. – С. 36–47 (0,8 п.л.).
18. Политический мир местных сообществ / И.В. Мирошниченко, Е.В. Морозова, И.В. Самаркина, В.М. Юрченко // Вестник МГУ. – Сер. 12: Политические науки. – 2003. – №2. – С. 63–81 (личный вклад – 0,5 п.л.).
19. Мирошниченко, И.В. Политические ценности социально-профессиональных групп / И.В. Мирошниченко // Человек. Сообщество. Управление. – 2003. – №2. – С. 121–131 (0,8 п.л.).

Публикации в иных изданиях

1. Мирошниченко, И.В. Актуализация политических практик социальных сетей в политическом пространстве регионов / И.В. Мирошниченко // Сетевые ресурсы и практики в публичной политике: российский и зарубежный опыт: материалы Всерос. школы молодых ученых. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2012. – С. 7–12 (0,4 п.л.).
2. Мирошниченко, И.В. Социальные сети в формировании политического капитала современного российского общества: межрегиональные сравнения / И.В. Мирошниченко // Сетевые ресурсы и практики в публичной политике: материалы Всерос. конф. молодых политологов. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2012. – С. 124–129 (0,3 п.л.).
3. Мирошниченко, И.В. Эволюция сетевого подхода в публичной политике: от теории к практике публичного управления / И.В. Мирошниченко // Политическая наука: состояние и перспективы развития в XXI веке: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2011. – С. 92–100 (0,5 п.л.).
4. Мирошниченко, И.В. Социальное инвестирование как сетевое взаимодействие стейкхолдеров в решении социально-экономических проблем местных сообществ / И.В. Мирошниченко // Социальный и человеческий капитал местных сообществ: сб. науч. тр. / отв. ред. А.И. Кольба. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2011. – С. 139–147 (0,6 п.л.).
5. Мирошниченко, И.В. Политическое измерение краудсорсинга в условиях модернизации современной России / И.В. Мирошниченко // Экстраординарность, случайность и протест в политике: тематическое и методологическое поле сравнительных исследований: сб. науч. ст. / под общ. ред. Л.В. Сморгунова, Е.В. Морозовой. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2011. – С. 99–109 (0,7 п.л.).
6. Мирошниченко, И.В. Краудсорсинг «по-русски»: внедрение «цифровой демократии» в модернизирующуюся систему государственного управления / И.В. Мирошниченко // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития: сб. материалов Междунар. конф. – Екатеринбург: Уральская академия государственной службы, 2011. – С. 22–28 (0,4 п.л.).

7. Мирошниченко, И.В. Формы публичной политики в блогосфере и социальных сетях / И.В. Мирошниченко // Трансформация публичной сферы и сравнительный анализ новых феноменов политики: сб. науч. ст. / под ред. Л.В. Сморгунова, Е.В. Морозовой. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010. – С. 298–309 (0,8 п.л.).
8. Мирошниченко, И.В. Антикоррупционная политика как «национальный проект», или возможно ли преодолеть коррупцию в России / И.В. Мирошниченко // Политическая регионалистика и исследования в регионах России. Политическая наука: ежегодник 2010. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 115–132 (1,1 п.л.).
9. Мирошниченко, И.В. Антикоррупционная политика в регионах России: особенности реализации и перспективы формирования / И.В. Мирошниченко // Теория и практики государственного и муниципального управления / под ред. В.С. Комаровского / Российская ассоциация политической науки (РАПН). – Смоленск: Из-во «Смоленская городская типография», 2010. – С. 198–214 (1,0 п.л.).
10. Мирошниченко, И.В. Конвертация ресурсов социальных сетей в политический капитал: кейс Краснодарского края / И.В. Мирошниченко // Политика развития и политико-административные отношения: сб. науч. ст. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2009. – С. 257–273 (1,0 п.л.).
11. Итоги социологического исследования «Социологический портрет Краснодарского края и перспективы региональной политики / А.В. Баранов, И.В. Мирошниченко. – Армавир: АИСО, 2008. – 110 с. (личный вклад – 3 п.л.).
12. Мирошниченко, И.В., Фомин, С.А. Практики политического представительства корпоративного бизнеса на региональном уровне / И.В. Мирошниченко, С.А. Фомин // Человек. Сообщество. Управление. – 2008. – №1. – С. 31–48 (личный вклад – 1,0 п.л.).
13. Мирошниченко, И.В. Фомин, С.А., Стоякин, С.А. Неформальные политические практики корпоративного бизнеса в регионе (на примере Краснодарского края) / И.В. Мирошниченко, С.А. Фомин, С.А. Стоякин // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2008. – Т. 4, №4. – С. 76–92 (личный вклад – 0,8 п.л.).
14. Политические лидеры местных сообществ / И.В. Мирошниченко, Е.В. Морозова, И.В. Самаркина, В.М. Юрченко // Человек. Сообщество. Управление. – 2001. – №2. – С. 12–34 (личный вклад – 0,5 п.л.).
15. Мирошниченко, И.В., Морозова, Е.В. Социокультурные основания нетипичности в политике / И.В. Мирошниченко, Е.В. Морозова // Южнороссийское обозрение. – 2002. – №6. – С. 43–51 (личный вклад – 0,5 п.л.).

Мирошниченко Инна Валерьевна
СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ
В РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

Подписано в печать 16.10.2013. Печать офсетная.
Формат 60x84 1/16. Усл.-изд. л. 2,5. Тираж 100 экз.
Заказ № 13284.

Тираж изготовлен в типографии ООО «Просвещение-Юг»
с оригинал-макета заказчика
350059, г. Краснодар, ул. Селезнева, 2. Тел.: 239-68-31.